

Владимир Каткевич

Люди первого броска

1.

В деревянном сарае военного училища лаборант Каминский рубится в поддавки со столяром Зарей. Пахнет лесом и чистой сыростью. Отставной мичман Заря развесил на стрехе робу для просушки. Каминский мрачнее тучи.

– Шо зажурывся? – чутко сочувствует Заря.

– Два экзамена вальнул... – Каминскому с Зарей привычно легче.

– Эка кручина! Я думал, на винт намотал. Заразы не надо стесняться. Дело природное. Если что, у меня в госпитале знакомый фельдшер, Томский.

Заря сам на неделе сдал Томскому мазки. Готовился к самому худшему, а оказалось – свирепый триппер. В шестьдесят восемь. Бывалый человек. Воевал на бронекатерах дунайской флотилии в группе первого броска. В Вене сломал челюсть американскому капралу.

– Если я правильно поняв, треба срочно обрубать фоста, Змий Горыныч, – Заря мощно журчит снаружи. Возвращается к шашкам, воодушевленный своим интимным состоянием.

А Каминский на грани отчаяния. Он после школы поступил на вечернее отделение пищевого института. И теперь, если выгонят, маячит армия. Каминский неблагодарно берет за фук. По молодости со смакованием, и Заря обижается. Расправу нарушает преподаватель полковник Кысса. Приспичило заказать указку.

– А материал принесли? – строго озадачивает кандидата военных наук человек первого броска. Ввиду стирки и аврала Заря

щегооляет по командно-инженерному объединенному в дамском кухонном переднике. Передник веселенький в робкий цветочек.

Полковник нашаривает в папке загашник. Возможно, замаскировал на пару стаканов в винарке «Военная мысль». Кысса стыдливо сует трешку в карман фартука Зари, накальвается на гвоздочки и отдергивает руку.

Только устроились играть – снова трясут дощатую дверь. Кому-то нейдет. По требовательному стуку ломится начальник мастерских майор Метельский. Они замирают.

– Гнат Фомич, здрастье вам! Вы есть? – майор поворачивает фуражку козырьком к затылку, чтобы заглядывать в щель. Приседают за поленницу. Метельский топчется, огорченно хрустит крученой берестой.

– Володя, если ты здесь, помоги мне с курсовым по органике, – просит в щель.

Майору не дается валентность. Слишком абстрактно. Он из состояния паники не выходит. Метельский тоже учится-мучится на вечернем, как и Каминский. Если Каминского за хвосты могут забрить, то Метельского просто сократят. С желанием. В формате миллиона двести. Притаились, ждут, когда майору надоест лягать дверь. Отпирают, и сразу в сарай просачивается Метельский. Перехитрил-таки. Всучил Каминскому курсовое задание.

– Вас начальник цикла подполковник Кысса спрашивал, – осаживает Метельского Заря. Сухопутных офицеров Заря не уважает. – «Где, говорит, Метелкин подевался?». Я сказал: «В санчас-ти, живот прихватило».

– Кто вас об этом просил? Зачем?! Что вы натворили! – Обломов бледнеет и стремится в учебный отдел. В фуражке козырьком к затылку.

– Уйду я от Метелкина, – обещает Заря. – Вон старшина Шамис квартиры ремонтирует. Обои поклеил – получи красненькую. Хозяйка еще борща насыпет. Да можно и с постоем. Разве кто против?

Мичман подмигивает, щерится, и его глаза цвета хаки еще болотнее мутнеют. Мичман Заря молодится и красит волосы. От прически почернела пляжная кепочка «Тракай». Каминский снова берет за фук. Заря не успевает проследить, сомневается, протестует, но снова стучат. Условным наборным стуком.

– Синьор Гнат, это я, Люис, – просят по-свойски.

Кадет-кубинец. На гвозде отдыхает дежурный спортивный костюм, доставшийся от советских курсантов. Луис аккуратно развешивает форму на проволочных плечиках и с удовольствием облачается в мастерский костюм для самоволок. С надписью «СССР». Темнокожий в мастерском костюме – это вызов.

– Если у кубинцев кто-то не успевает, то его накажут? – интересуется с безразличием Каминский у Луиса.

– У нас все успевают успевать.

– А если тупой? Расстреляют?

– Могут и не расстрелять...

У дыры в заборе Луиса поджидает русско-еврейская жена Стефа. Стефа покачивает коляску, где возлежит очаровательный шоколадный малыш. Себастьян наречен в честь флаг-штурмана Магеллана Себастьяна Де Эль-Кано. С карапузом любят сюсюкать офицеры. На полулегальные самоволки Луиса смотрят сквозь пальцы. У Стефы взрослый первый разряд по бегу с барьерами. Она глухонемая, так что языкового барьера у нее с Луисом не было никогда. Глухонемые, как правило, спортивные и жизнерадостны, попусту нервы не треплют, отключены от маяты. Когда Стефа видит Каминского, улыбается. Наверное, он ей нравится. Мог бы Каминский полюбить молчаливую?

– Ты мне, сынок, растолкуй, почему кубинские курсанты перестали козырять египетским офицерам, – пристает Заря.

– Кто сказал? – Луис напыжился.

– Это нехорошо. Они, может, и не виноватые. Может, ихние командиры протабанили. Мы ведь тоже отступали, а потом наступали. Ну посадют тебя. Ребеночка не жалко?

Луис бежит к ребеночку. Каминский примеряет кубинскую форму Луиса. От сотрясения земли тухнет свет, и сыпятся опилки с поленницы. Копер всаживает сваи для ДОСа, дома офицерского состава. Каминский выходит посмотреть. В кубинской форме. В соседних ДОСах тоже нет света. Каминскому сдуру козырнул новобранец техбата, принял за кубинца, а потом прыснул, узнал. Каминского. Солдаты его узнают, он конферансье в ВИА «Залп».

На плацу, обозначенном рядками пирамидальных тополей, которые демаскируют все военные объекты в отечестве, мар-

ширует коробка кубинцев. На ушанках дупла от кокард. Спресованные на складе ушанки еще топорщатся, но приобретают округлость кумганов. Несмотря на неустойчивую оттепель, уши головных уборов приспущены и завязаны на затылках. Так что команды они слышат, как из блиндажа в два наката. А потом еще соображают, куда поворачивать «наапра-аву» или «нале-еву». Многие продолжают расти, из рукавов торчат худые руки всех оттенков. Возраст набора гуляет в размашистом диапазоне.

– Солдаты, в пут, пут! – вторила рота с интонацией «латинос». – Как длья тебя, родная, есть почта польевая. Прочай, труба зовьёт...

Зашибает одеколоном «Шипр». Коробка шлепает в сторону технопарка. Технопарк притаился за дощатым и щербатым, как в деревне, забором, на который не хочется смотреть. Казалось, городили его на время, а потом привыкли. Правда, высотой он метров на шесть. За досками прячутся ракеты (изделия), чтоб не пялились из трамвая.

– Шифруются, – замечают из трамвая местные с удовлетворением и даже гордостью.

Для конспирации забор не красили, не обихаживали, имитируя казенную бедность. В верхней точке солдаты батальона обеспечения написали:

«До приказа осталось двести шесть дней!»

Дни считают. И он будет считать. Дембельский альбом кому-нибудь клеить за магарыч. Идиотизм!

За поленицей промелькнул особист. Неужели видел его в кубинской форме?

Каминский быстро разоблачается и возвращает кителек на гвоздь.

– А чего особняк по мусоркам шарается? – спрашивает Каминский у Зари.

– Кто-то из начальства приезжает, – Заря высыпает шашки в гильзу от гаубицы. – Рауль Кастро, чи еще кто... Или шпигунов ловит... А что он мне сделает? Погранвойска со времен товарища Менжинского подчинялись ГПУ. Задерживаешь нарушителя, дерг за бороду, – вспоминает заветное Заря, хищно улыбаясь и тараща болотные глаза, – а борода не отклеивается... Она с природы! Я их не боюсь.

Заря поднимает глаза. В метре от него субъект в черном гэдээровском плаще с погончиками. Особист. Неслышно просочился в сарай со стороны нужника. Как сквозняк. Увидел кубинский кителек на плечиках, распахнул, прочитал вытравленную хлоркой фамилию на подкладке: «*Luis Baretta*». Усмехнулся и молча по-кошачьи растворился в поленице. Ни здрасьте вам, ни до свиданья. Теперь Луис пропал!

2.

Когда разразилась война Израиля с арабскими странами, стали выдергивать резервистов. Призвали и парней из институтской группы Каминского.

Первым вернулся с передовой Ньюма Ницкович. При погонах младшего лейтенанта. Железнодорожных войск. Ницкович доехал только до полигона. Десять дней пил бессарабское вино, виноградники вращались прямо в учебные траншеи. Секретарше в деканате начирикал, что отпустили всего на сутки. Как поощренного за храбрость и жертвенность. И снова отбывает на передовую.

– Ты не знаешь, когда у Рыбака консультации? – рассеянно спрашивает Ницкович у Каминского.

Бывший председатель рыбколхоза имени Шмидта Рыбак ведет семинары по политэкономии. На лекциях щеголяет в нейлоновой рубашке, через которую просвечивалась сетчатая майка с крупными ячейками-режами. С такой мелкой сетью ходят на окуня. Окунь путается в трехслойных режах колючим хвостом.

Гражданскую жизнь Ницковича отравляют сразу два хвоста: по политэкономии и термодинамике. Грех не использовать политическую обстановку.

Ницкович вошел в роль фронтовика и ходит в институт в га-лифе и бурых от пыли сапогах. Не на занятия, конечно, а собирать свободные уши в вестибюле. Он показывает, как заходит в вираж самолет для атаки. Возможно, видел на полигоне. Или в кино.

Ньюма подбрасывает планшетку, жужжит, пулеметно тарыхтит.

– А потом пошли к базе, планируя, – говорит. И планирует на девушку. Это Шура, девушка Каминского. Она вообще на лекции не ходит, стоит в вестибюле, завязывает знакомства с молодыми преподавателями и аспирантами. Довольно привлекательная, с пухлыми щечками. Шура сама Каминского сняла. Это почетно. Она носит длиннющие юбки из грубой ткани, похожей на ковер. Каминский ее угощает сигаретами «Съльнце» из военторга.

– А почему ты на лекции не ходишь? – спрашивает.

– А зачем?

Она курит и молчит.

– Меня в армию забирают, – сообщает Каминский.

– А зачем?

Ницкович в уборной привинтил к погонам для солидности еще по одной звездочке. Термодинамику у него приняли автоматом прямо в деканате.

– «Уд.» вас удовлетворит, товарищ лейтенант? – спросил доцент Баер, неприступный в мирной обстановке.

– Так точно! – уставно ответил Ницкович и щелкнул каблуками.

Остается политэкономия. Каминского тоже якорит хвост по политэкономии. Рыбак слывет самодуром и скрытым антисемитом.

– Возьмем не уменьем, а количеством! – рассудил Ницкович по-суворовски. – У тебя форма есть?

– Я же не служил.

– Я не спрашиваю, служил ты или косил. Форму можешь одолжить?

* * *

Авантюру сразу одобрил Заря. И предложил форму офицера. Но Каминский отказался. Тогда Гнат Фомич вынес из бомбоубежища комплект с сапогами. Ефрейтора автомобильных войск. Каблуки были криво сношены на одну сторону. Видимо, ефрейтор был кривоногим, ходить в сапогах было трудно.

– Только смотри, чтобы Метелкин не видел, – предупреждает Заря.

Сядутся играть и слышат мелодичный звон. Каминский думал, звенит в ушах.

– Ты что, Вовчик, в автобат записался? – окликает музыкант оркестра старшина Подлубный. – На День артиллерии даем гала-концерт. Не забыл?

Как же забыть? Каминский конференсье.

Старшина Подлубный пришел просверлить в литаврах маленькие дырочки, чтобы звон выглядел рассеянной. Он знает. Он ударник в самодеятельном ВИА «Залп».

Каминский вышел по нужде как был, в форме ефрейтора. Издали заметил особиста. Тот резко, как на выстрел, повернул голову. И увидел очередной маскарад.

3.

Двор Ницковича, просторный и горбатый. В историческом центре. Ницкович ждет его на крыше пристройки, напоминающей капитанский мостик парохода.

– Ты опоздал на двадцать минут! – трубно укоряет Ницкович в медный капитанский раструб. – В наказание выжми штангу.

На мостике гири и штанга. Матушка Ницковича приносит отутюженную форму. Ницкович метнулся к песочнице, потоптал форму, и она стала вонять кошачьим калом.

– Твою марать глупо, – говорит Каминскому, – она и так грязная. Какие нечистоплотные люди!

Поехали к политэкономисту на дачу. Когда вышли из трамвая, Каминский лихо отдал честь майору и остолбенел. Это был Метельский. Трепетный Метельский его узнал и перепугался больше Каминского.

– Он оглянулся, – сказал Ницкович. – Ты его знаешь?

– Я ему курсовые делаю. Это мой начальник.

– Ничего, война все спишет. Патрулей не бойся, ты передвигаешься с офицером.

Политэкономиста на даче не застали.

– Он в обкоме, – многозначительно сообщила жена, похожая на вяленую щуку, которую испугали. – Сидайте в теньку, скоро будут.

Политэкономист прибыл аккуратно к обеду.

– Я только из обкома, – душевно пооткровенничал. – Вы сидайте. Обстановка складывается, я вам скажу...

Ницкович щелкнул каблуками, расстегнул планшетку и распахнул зачетку. Чтобы у политэкономиста не было иллюзий. Рыбак спросил вкрадчиво:

– Звыняйте, «уд.» вас удовлетворит?

– Так точно! – гаркнул Ницкович и снова вскочил. С абрикосы каркнула ворона.

Щука принесла холодного вина в глечике.

– Добрая изабелла! – Ньюма поднял с земли абрикосу и загрыз. – Позвольте еще на дорожку?

Дорожку преодолели на такси, чтобы Каминского не заарканил патруль. По пути подсел попутчик. Савелий Крамаров. На киностудии что-то снимали. Вид у Крамарова был слегка пришибленным, он ковырялся в ворохе квитанций.

– Все косим, гражданин артист? – сурово заговорил с попутчиком Ницкович и фамильярно похлопал Крамарова по колену. – В армию не берут по зрению?

Крамаров покосился на нахала, обнаруживая скользящее ко-соглазие, и продолжал копать в авоське. Наконец нашарил неубедительные талоны на такси, которые выдавали актерам вместе с суточными.

– Гражданин артист, не трудитесь! – одернул его таксист. – Для нас возить вас большая честь, – с сарказмом.

Крамаров все-таки рассчитался талонами, похожими на трамвайные билеты, и вышел у гостиницы «Аркадия». Таксист выбросил талоны в окно, чтобы пассажир видел.

– У него, кажется, среди бумажек была моя повестка из военкомата, – сказал Каминский.

– Тебе мерещится, – успокоил Ницкович. – Послужишь с мое – и пройдет.

– Цирк уехал, а клоуны остались! – объявил водитель.

* * *

В перерыве концерта самодеятельности Каминскому пожал руку майор Метельский.

– Хороший концерт, смело до дерзости, – похвалил. И испугался. – Так и не пойму, я тебя видел в форме у трамвая или мне показалось?

– Показалось... Я же еще не служил. У меня есть двойник. Только я – Владимир, а он – Вениамин.

– Неужели?

– У вас, кстати, тоже есть двойник. Майор. Он в «Военной мысли» ингулецкое пил.

– Это не я, – Метельский поскущел лицом.

Каминский понял, что переборщил. ВИА «Залп» уже исполнял увертюру.

– Извините, мой выход.

Каминский метнулся на сцену и представил:

– На концертном дежурстве инструментальный квинтет в составе: гитара-соло – младший сержант Землянский, гитара-бас – рядовой Мещерягин, клавишные – курсант Лымарь, ударные – старшина сверхсрочной службы Подлу-у-бный! – раскатисто.

Подлубный бесчинствовал на ударных минуты три. Находил сапогами клавиши своего громобойного агрегата и при этом ухитрялся чеканить сидячий степ. Не обижая турецкий барабан. Потом вскакивал для полноценного степа, прерывал его на полутакте, находил задом казенную табуретку с инвентарным номером и в изнеможении втыкал палочки-стучалочки со щетками в голенища сапог.

* * *

Ницкович на передовую не спешил и на другой день снова пикировал на девушек. К доценту Баеру топталась стайка студентов-резервистов, скопилась очередь.

– Во как прут! – с издевкой отметил Ницкович. – Говорят, их уже валят. И поделом. Халява канает только в зачатии идеи. Мы им дробили лыжню! Мы – дерзкий авангард, нам – риск и почести! Наши кумачовые домовины повезут на лафетах! Мы, как бы это сказать...

– Люди первого броска.

– О!

